

УДК: 82.09

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3\(8\)-154-197](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3(8)-154-197)

ЖЕНСКИЙ РОМАН – ЛИТЕРАТУРА, МАКУЛАТУРА И... ПСИХОЛОГИЯ

Андрей Буровский,
ООО «КИФАБ»
(Санкт-Петербург,
Россия).

Andrey Burovsky,
KIFAB LLC
(Saint-Petersburg,
Russia).

ORCID: 0000-0003-4225-8635
e-mail: burovsky@mail.ru

Для цитирования статьи:

Буровский, А. М. (2024). Женский роман – литература, макулатура и... психология. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 3(8), 154-197. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3\(8\)-154-197](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3(8)-154-197)

Аннотация. В традиционном женском романе, как значимом жанре индустрии впечатлений, очень откровенно провозглашается система взглядов и ценностей, существенно расходящаяся с системой ценностей мужской части населения. Конец XX столетия ознаменовался формированием различных систем ценностей в женских романах. При этом одна из подобных систем ценностей, скорее всего, приближается к «мужской», тогда как другая явно смыкается с массовой культурой. Традиционный женский роман всегда

характеризуется достаточно типичным набором очень похожих героев. Они могут быть фатально непохожи друг на друга внешне, но всегда выполняют одну и ту же смысловую функцию. Например, у главной героини кроме неизменного преследователя, и постоянно обнаруживается бескорыстный помощник. При этом личные качества мужчины в дамских романах традиционно не имеют никакого значения. Главный герой, выполняя функцию объекта великой любви главной героини, тем не менее, никогда не бывает выдающейся личностью. По существу, ничем серьезным он в жизни как правило тоже не занят. При этом он всегда материально обеспечен и всегда неприкаян. В итоге, если он даже и женат, то на стерве. Но самое главное состоит в том, что роман с ним – целиком и полностью выбор и решение главной героини.

Ключевые слова: роман, женский роман, культура, отношения, массовая культура, индустрии впечатлений, популярная литература, культовые романы, главные герои, персонажи, экстраполяции.

Самый востребованный жанр... И порожденные им вопросы...

Женские романы составляют, по разным подсчетам, от 55 до 70 % всех продаваемых книг – на всех языках европейских народов, включая ирландский и финский.

По статистике до 70 % всех покупателей книг – женщины возрасте 30–55 лет. Обобщенный «портрет» наиболее характерной читательницы современного мира – одинокая, хорошо образованная женщина с одним или двумя детьми.

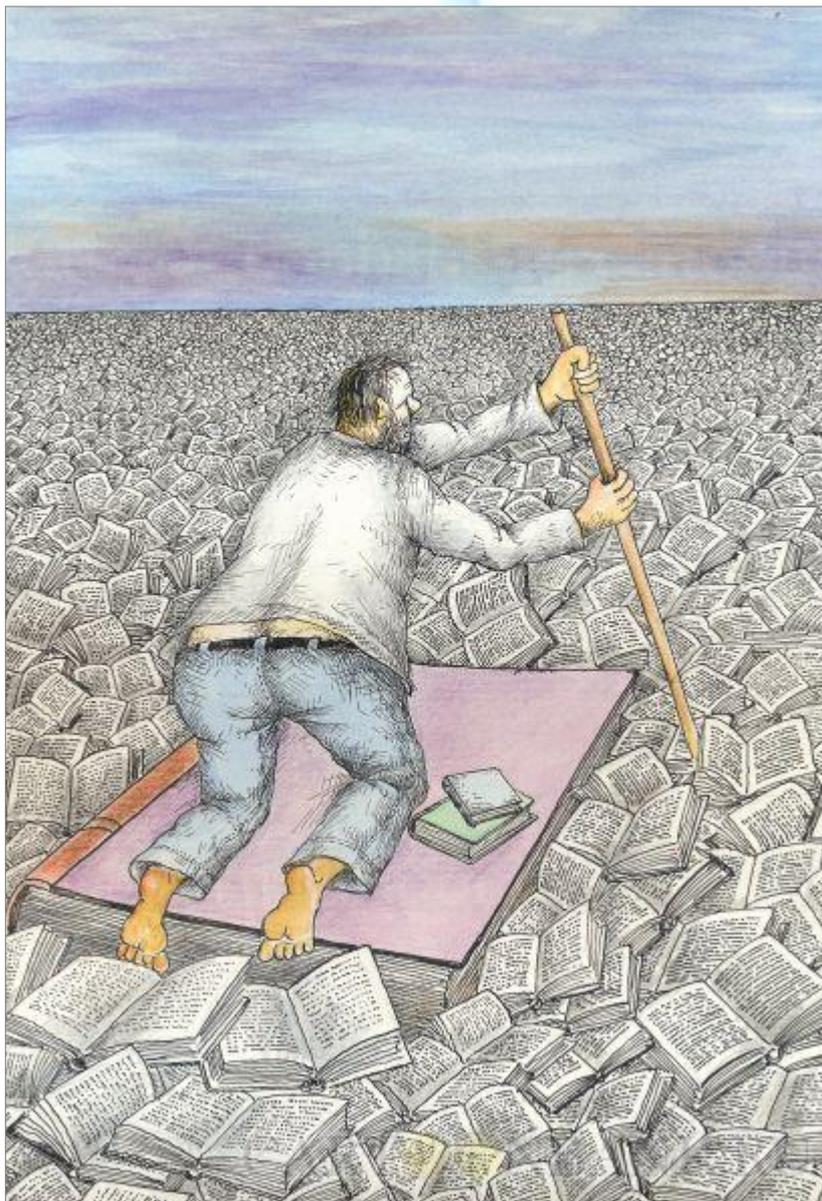
«Дамское чтение» традиционно полагается высокомерно высмеивать, хотя многие произведения жанра заслуженно включены в золотой фонд мировой классики. Дешевеньким бульварным романам российский поэт-сатирик Тимур Шаов посвятил забавную песенку, которая так и называется: «Любовное чтение».

Море женских романов... Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
<https://au.ru/auction/literatura/fiction/>

Но смеется или нет, а женский роман – самый востребованный жанр, уверенно собирающий больше читателей и покупателей, чем детектив, психологическая драма, семейная сага, а тем более чем психологический роман или философские эссе.

По-видимому, этот жанр очень сильно соответствует каким-то глубинным установкам и отражает массовые психологические стереотипы, представления, а быть может – повальная любовь к нему выступает и проявлением скрытых инстинктивных программ.

...И как прикажете выплывать в этом море?! Анчуков Иван. Карикатура №890919. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://www.anekdot.ru/id/890919/>

Женщины – о мужчинах и о... женщинах

Сразу оговоримся: женский роман – это совсем не то, что пишется женщинами. И романы Сары Филдинг, и «Овод» Этель Лилиан Войнич [Войнич 2022] написаны о мужчинах; они написаны так, как пишут мужчины. Ничуть не слабее писать о мужчинах и мужских делах получается и у современной петербурженки Юлии

Андреевой [Андреева 2018; Андреева 2018; Андреева 2022]. Впрочем, примеры бесконечны.

Женский роман – даже далеко не всё, что пишется женщинами о женщинах. В трилогии Фриды Вигдоровой о Карабанове только одна, третья повесть, ведется от имени женщины. По тональности, духу и фразеологии она ничем не отличается от первых двух [Вигдорова 1965]. У той же Войнич произведение «Сними обувь свою» написано так же, как «Овод» [Войнич 2012].

Наверное, точнее всего определить женский роман как произведение, написанное женщиной о женской судьбе и женских проблемах. Или о том, что традиционно считается женскими проблемами: любовь, отношения, замужество, материнство.

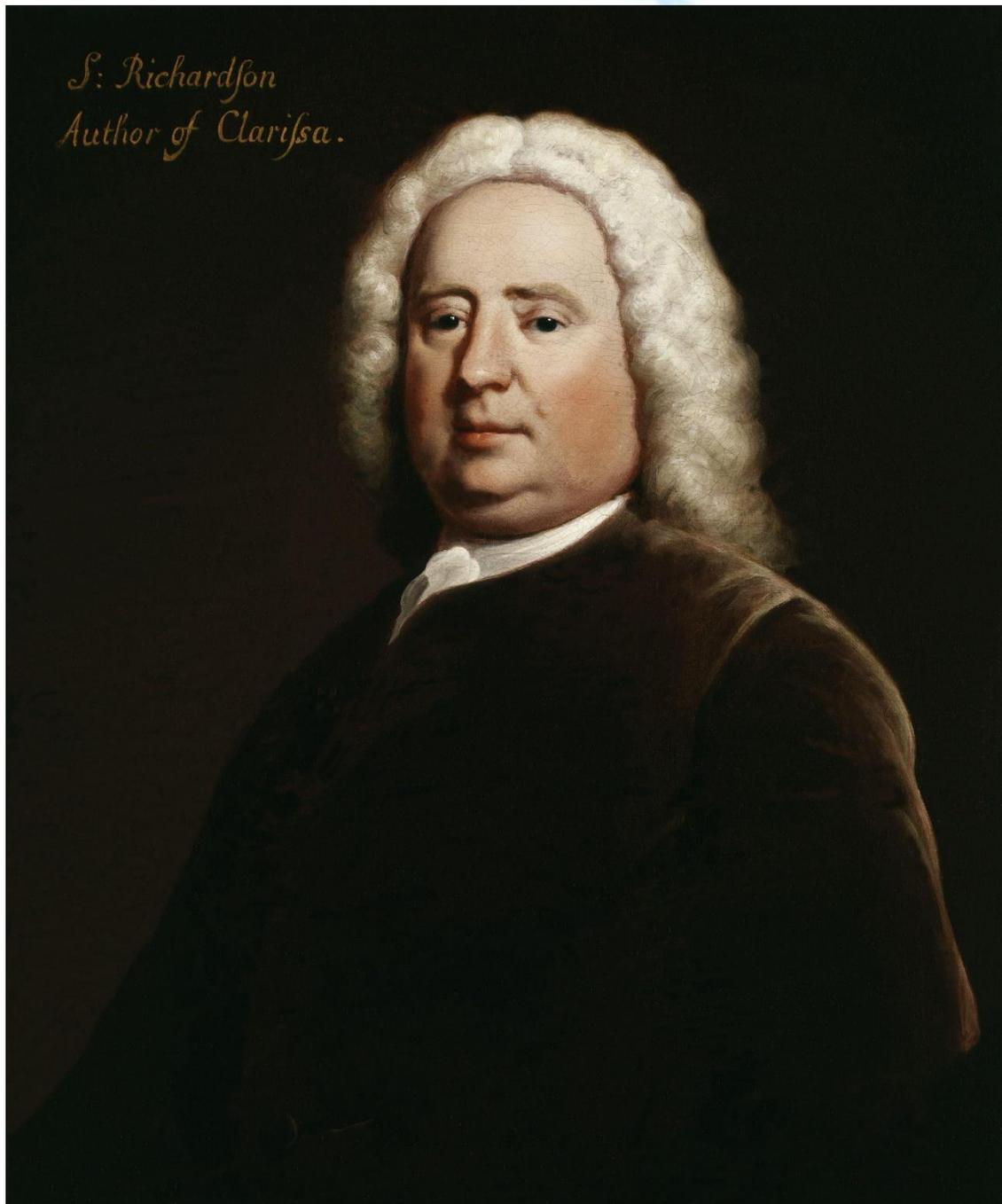
Итак, женский роман – это роман о женской судьбе.

Неужели это все пишут женщины?!

Теоретически женский роман может написать и мужчина. Часто создателем женского романа и любовного романа называют Сэмюэля Ричардсона (1694-1761).

В его невероятно назидательном романе «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740) действительно описывается судьба скромной и добродетельной до идиотизма «простой девушки» Памелы Эндрюз. Она отвергает «непристойные» поползновения своего нанимателя, но в конце концов все-таки выходит за него замуж [Рипли 1992].

Роман положил начало множеству подражаний и «продолжений», но основную славу этого произведения, помимо прописной морали составили описания многократных покушений

Сэмюэль Ричардсон. Хаймор Дж., около 1740 Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://www.pristinegrace.org/images/authors/Samuel_Richardson_by_Joseph_Highmore.jpg

коварного сквайра Б. на честь Памелы. Многие читатели были в восторге: ведь автор сообщил им поистине виртуозные способы соблазнения.

*До чего любили падать в обморок героини женских романов!
Может дело в корсетах? Чуть заволновалась дыхание участилось... А корсет-то дышать не позволяет... Готово – обморок! Хаймор Дж. Обморок Памелы (1743 год).Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://lyl.su/hoeH>*

С тем же успехом можно считать основателем подобного жанра и Джона Клееланда (1709–1789), который в 1748 году опубликовал порнографический роман «Фанни Хилл: Мемуары женщины для утех» [Клееланд 1993]. Книга веселая и оптимистичная.

Главная героиня в конце концов все-таки находит великую любовь. К слову, ни один роман Клеланда, а он написал их восемь, никогда не был настолько популярен, как этот!

Книгу запрещали, публиковали без имени автора... И не удивительно: работа борделя и деятельность проституток описаны максимально детально и во всех подробностях. Среди прочего он живописал и садомазохистские игрища.

Оч-чень современный рисунок и к оч-чень современному тексту. Это отсталые типы XVIII века намекали, что Джону Клеланду потребны советы врача из тех, что заняты душевными болезнями. Авриль Э.Г. Fanny whips Mr. Barville. Иллюстрация к роману Клеланда (1907 г.). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b2/%C3%89dourard-Henri_Avril_%2888%29.jpg

Впрочем, врач того времени всерьез посоветовал бы Клеланду (и его героям) побольше гулять на свежем воздухе, уменьшить ежедневные дозы виски и завести какое-нибудь полезное хобби. Со своей стороны добавим только одно: Клеланду следовало бы еще обзавестись толковой женщиной... Ну, а потом уже начинать писать свои романы...

Но и это роман – взгляд на женскую судьбу все-таки не изнутри, а со стороны.

То, что мы теперь называем «женским романом», создавалось Джейн Остин, затем сестрами Бронте вовсе не как особый жанр. Дамы XVIII–XIX веков естественным образом писали о том, что они хорошо знали и что больше всего занимало их мысли.

Женский роман начался как жанр, впервые в истории ставящий в центр повествования именно женскую судьбу. Но, и как произведение, которое, во-первых, вовсе не сводится к «женской» тематике. В женском романе могут решаться самые различные вопросы, волнующие авторессу.

Во-вторых, женский роман, и это следует, безусловно, признать, состоялся как великолепное дополнение традиционной «мужской» литературы.

И действительно, авторесс мало занимает то, что положено в основу классически «мужской» литературы: вопросы внешней политики, войн, придворных интриг или же слияния/поглощения торговых компаний.

Зато их остро интересуют личные качества людей, их отношения и быт. Только в этом отношении женский роман

сближается с «мужским»: если в центре внимания оказывается становление человеческой личности. Превращение «непослушной» и «лживой» Джен Эйр во взрослую девочку и женщину – точно такой же «роман воспитания», как «Подросток» Фёдора Достоевского или же «Свет погас» Киплинга.

Вообще же внимание к отношениям людей и к быту позволяют основательницам жанра в совершенно особом ракурсе показать «недобрую» старую Англию – мрачные каменные сараи, красиво именуемые «замками» или «домами джентльменов»; ее сырые, холодные спальни, вынуждающие и дам потчевать себя пивом – раз уж виски и джин считается пить неприличным; полотняные или фланелевые ночные рубашки (в спальнях то около нуля!), посуда, еда и повседневный быт.

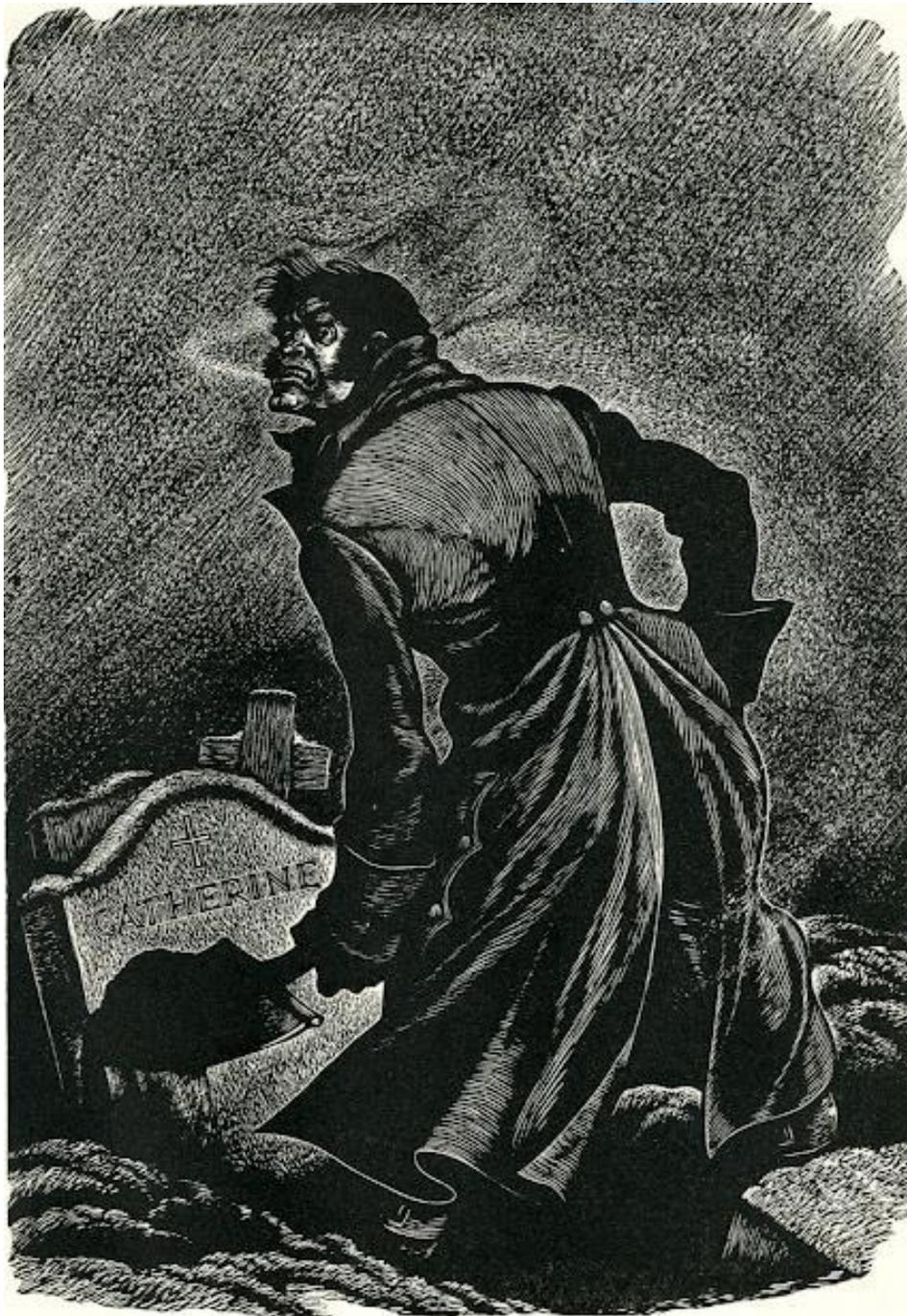
В сочинениях Джейн Остин [Остин 2023] и Шарлотты Бронте [Бронте 1958] предстает настолько страшненькое кастовое общество, помешанное на материальном и такие дикие нравы, что читателям и критикам остается только ужасаться.

Конечно, писались эти повествования о сравнительно мирных, неторопливых временах, но и в них ставятся многие острые вопросы – особенно в поразительно мрачном «Грозовом перевале» Эмили Бронте [Бронте 2021].

Точно так же у Маргарет Митчелл совершенно блистательно изображены блюда, поедаемые плантаторами на Юге Соединенных Штатов XIX века, способы их подачи, быт и поведение людей [Митчелл 1982]. Перед читателем предстаёт эпоха, страна и народ.

Как и Австралия в романе Колин Маккалоу [Маккалоу 2022].

Так же точно мы видим детали жизни и быта средневековой Скандинавии через роман Сигрид Унсет [Унсет 1992]. Причем копье

Эта иллюстрация Фрица Эйхенберга (Fritz Eichenberg) поразительно точно передает жуть и тоску «Грозового перевала». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://magisteria.ru/metaphysics-of-european-novel/wuthering-heights>

На этой иллюстрации Ретт Батлер в очередной раз спасает «Главную Героиню»..., которую спасти следует в основном от самой себя. Но это бегство на фоне пожаров... Сразу видно – книга не только о любовных «приключенках»... Дурасов А. Иллюстрация к книге Митчелл М. «Унесенные ветром». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://lul.su/3Hwv>

и топор писательница описывает намного менее подробно, чем устройство очага, способы варения пива и разделку бараньей туши. Из её книги не очень понятно, как именно пашут и сеют главные герои, но известно, что нательная рубашка, надевавшаяся под платье, застегивалась на множество пуговиц, и что общество особенно осуждало добрачную связь, если помолвка уже состоялась («не могли подождать!»).

Марина Цветаева считала, что «Кристина, дочь Лавранса», – «лучшее, что написано о женской доле. Перед ней „Анна Каренина“ – эпизод» [Кресикова 2013].

Но роман Сигрид Унсет – вовсе не только о «женской доле», тем более это же можно отнести и к «Унесенным ветром».

Женский роман XIX – первой половины XX века воистину создают подлинные «дочери» своих обществ. Они решают принципиально те же вопросы, ставят те же проблемы: но осмысливая их иначе, – через призму быта и отношений.

Но вот как-то раз, одна современная писательница попыталась продолжить и завершить «хэппи эндом» «Унесенных ветром» и любой ценой счастливо завершить историю Реда Баттлера и Скарлетт. И тут же, почти что против собственной воли, авторесса делает частью сюжета достаточно трагичный эпизод истории ирландского народа [Осипцова 2022].

Почему? Потому что саму авторессу именно этот вопрос и волновал.

Но даже описывая «войну и мир», женщины все равно смотрят несколько со стороны на взбаламученный мир. Если использовать выражение, типичное для театральных кругов – на роковые минуты истории они смотрят «из зала». И в этом не только важная особенность, в этом – несомненное преимущество женских романов.

Через некий «женский мир» мы видим то, что чаще всего почти никогда не замечают мужчины.

И действительно, женский роман XIX – начала XX веков можно любить или не любить, но в любом случае этот жанр поднимается на уровень настоящей большой литературы.

Простенько устроенный роман

Самое невероятное, что женский роман во все времена имеет очень простой, однозначный «скелет». То есть подробности могут быть невероятно разнообразны, но все они вращаются вокруг отношений нескольких основных фигур. И сами эти фигуры, и их отношения очень ярко характеризуют стереотипное мышление женщин... да, пожалуй, и всего тогдашнего общества.

Конечно же, во главе угла – «Главная Героиня»: фигура всегда нестандартная, особенная, а потому несчастная и страдающая. Общество «Главную Героиню» не одобряет, карьера у нее не задается, в общепринятые рамки она не вписывается.

Поэтому отстоять свое «Я» и найти свою единственную и великую любовь ей удастся ценой громадных усилий.

«Главный Герой», разумеется, преисполнен всяческих добродетелей, и при том достаётся «Главной Героине» не так просто! «Через тернии – к звёздам». Чаще всего он или не слишком хорошо понимает «Главную Героиню», или же она сама чрезмерно долго не в силах постигнуть его невообразимое обаяние.

Но у этого «Главного Героя» всегда есть две важные особенности.

Во-первых, он всегда хорошо обеспечен или богат, причем источник его богатства совершенно неясен.

То есть английские дамы XIX века поступают достаточно просто: «Главные Герои» Джейн Остин и Шарлотты Бронте, мистер Дарси и Рочестер – урожденные «джентльмены». Они уже родились богатыми. Чтобы сделать Джона Рочестера ещё богаче, его женят хоть и на сумасшедшей, но все же владелице огромного состояния.

Но как только Эмили Бронте потребовался сюжет посложнее, демонический Хитклиф сначала исчезает, а потом внезапно появляется с немалыми деньгами. Никогда и никак не разъясняется, как он разбогател и откуда взял деньги. Он просто появляется с ними – и всё.

Точно так же богат и Ретт Батлер – причём на некие темные источники его обогащения во время войны многократно намекается – но уж более чем неопределенно.

Но вот когда мужчина, Дональд Маккейг, взялся в очередной раз «дописывать» «Унесенных ветром» [Маккейг 2014], у него деловые операции Ретта Батлера были описаны весьма подробно – в том числе и его похождения на грани пиратства.

Список можно пополнить и Жоффреем де Пейраком из серии про «Анжелику» Анн и Сержа Голон, и Кристианом Греем из трилогии «Пятьдесят оттенков серого» Э.Л. Джеймс... Впрочем, следует сказать, что расширять этот список можно бесконечно...

Если же авторессе женского романа необходимо «дать» денег «Главному Герою», он получает их без малейшего труда. В одном из романов Элеанор Элис Хибберт (Виктории Хольт) он ныряет на затонувший корабль, с которого поднимает драгоценности только что погибших людей.

Робер Оссейн в роли Жоффрея де Пейрака и Мишель Мерсье в роли Анжелики. Кадр из фильма «Анжелика – маркиза ангелов» (1964 г., реж. Б. Бордери). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://lyl.su/2vhc>

Опыт жизни говорит, что управление крупным состоянием всегда требует большого времени и затраты немалых усилий.

Но ни Дарси, ни Рочестер не тратят своих драгоценных сил на управление своими имениями.

Баттлер настолько играючи водит свой контрабандный корабль – чуть ли не развлекается.

Де Пейрак всего лишь движениями мизинца осуществляет контрабанду поистине невероятных ценностей.

Кристиан Грей появляется в офисе своей фирмы в основном для того, чтобы там недолго покрасоваться.

Во-вторых, «Главный Герой» никогда не занимается ничем, кроме своих частных интересов.

Он никогда не бывает великим человеком, личностью героической и жертвенной. Если жертвенный человек, служащий людям, вообще появляется в женском романе – это «Бескорыстный Помощник», – как священник-миссионер в «Джен Эйр».

Но «Главный Герой» не только никогда не жертвует собой и не совершает сверхусилий для общественного блага. Он никогда не бывает ни крупным ученым, ни знаменитым полководцем, ни государственным деятелем...

Факт остается фактом: люди, которые больше всего привлекают писателей-мужчин, совершенно не интересны авторессам женских романов. Им не нужны ни величие, ни сила духа, ни интеллект, ни так называемые мужские качества. А если нужны, то только в одном случае: если они служат корыстным, эгоистическим интересам «Главного Героя». Исключительно так!

Называя вещи своими именами, «Главных Героинь» женских романов привлекают богатенькие бездельники, которые посвящают свои жизни стяжательству и самоутверждению.

Они тратят невероятно много времени для того, чтобы им было «комфортно»: то есть сытенько, тепленько, удобненько – это в их жизнях самое главное.

Если мужчина и совершает что-то во имя любых идеальных представлений, то он отвергается с презрительной усмешкой. Для Скарлетт уход Батлера на войну – не проявление героизма, и измена ей, замечательной.

В духе диалогов из еще одного (которого то по счету?) продолжения «Унесенных ветром»:

«– Только мужчины могут подставлять свои дурацкие головы под пули, – проворчала она. – Женщине никогда такое на ум не придет.

– Ваши очаровательные головки устроены совсем иначе» [Остин 2023: 28].

Кстати, совершенно справедливо! Головы «Главных Героинь» устроены так, что рисковать собой во имя чести им в эти головы никогда не придет. Как и во имя чего бы то ни было отвлеченного. Как же можно?! Ведь в эти головы они едят!!!

И что характерно, в этом своем «холостяцком флэте» «Главный Герой» поразительно неприкаян. Если он уже богат, то сам толком не знает, на что потратить свою никчемную жизнь, – как Рочестер, прожигающий жизнь со случайными бабами «на континенте». Или Грей, с головой уходящий в садомазохистские игрища.

Однако иногда в женском романе появляется еще и Ложный Герой. «Главная Героиня» увлечена им, но постепенно понимает, что её судьба – никак не этот бедный, неуверенный в себе, не добившийся успеха человек. Это важнейший критерий «Главного Героя» – в понимании общества, к которому принадлежит «Главная Героиня», он обязательно должен быть социально успешен. А главное – он должен быть успешен материально.

Другими важнейшими персонажами Женского романа служат «Злобный Преследователь» и «Бескорыстный Помощник».

«Злобный Преследователь» очень часто – это близкий родственник. В одном из романов Холт – отчим. У Шарлотты Бронте – тётка. У Эмили Бронте – приемный родитель страшного Хитклифа.

«Злобный Преследователь» действует не из корыстных побуждений. Он просто по своей натуре так отвратителен, что совершенно не способен не гадить.

«Бескорыстный Помощник» чаще всего или родственница (невольно вспоминаешь Фею из «Золушки»), или вообще пожилая дама (Герцогиня из «Сними обувь свою»). У Маккалоу «Бескорыстные Помощники» – это выводок безбрачных и бездетных дядюшек «Главной Героини».

В других случаях «Бескорыстный Помощник» – или человек, безнадежно влюбленный в «Главную Героиню», её бывший любовник или муж. Что любопытно, «Бескорыстным Помощником» никогда не бывает отец «Главной Героини».

Женский роман: гимн инфантилизму и потребительству

Уже в самых первых женских романах «Главная Героиня» выглядит очень инфантильной. Вероятно, это во многом отражает реалии XVIII – первой половины XIX века, когда женщины не владели имуществом и во многом потому не играли самостоятельной роли в жизни тогдашнего общества.

Героини Остин и сестер Бронте по крайней мере еще пытаются что-то делать в этой жизни. Героини и Шарлотты, и Эмили, и Анны (Энн) Бронте [Бронте 2008] «даже» работают: при том, что социально взрослая женщина в их обществе находится примерно в том же положении, что и мальчик-подросток лет 13-14.

Со временем «Главные Героини» всё больше отстают от своей эпохи и от сверстников своего возраста: особенно в массовой

литературе. Реальные женщины обретают самостоятельность, а «Главные Героини» женских романов делаются всё более инфантильными.

Их возраст – уже не 13-14 лет мужского, а как бы не все 10-12.

У «Главных Героинь» Дашковой и Серовой и их женского окружения – только одна цель в жизни: как говорят иные кумушки, «устроиться».

При этом они не в состоянии самостоятельно отбиться от «Злобного Преследователя», и принимают помощь «Бескорыстного Помощника» с естественным эгоизмом ребенка – они не то, что не понимают, что пожирают другого человека. Ах, они об этом совершенно не думают!

...В точности так же 5-летний малыш требует погулять от смертельно усталой матери. Ему же так хочется!.. Ну как она не понима-а-а-ет... Ему же хо-о-очется...

А хочется «Главным Героиням» не слишком много: в основном потреблять. Это и есть смысл их «устроения».

Женский роман конца XX века: увы, но так ничего и не изменилось...

Деградация массовой литературы касается абсолютно **всех** жанров. Поскольку грамотны теперь почти все, а гигантов ума и духа, увы, так и не прибавилось, то с XIX или с начала XX века, массово востребованной становится уже не литература, а макулатурное чтиво.

Даже боевик и детектив «облегчены» и упрощены до предела. У Рекса Стаута и равным образом у Бушкова вы не найдете умного Шерлока Холмса или проницательнейшего Эркюля Пуаро. Герои современных мастеров жанра – туповатые горы мяса, которые не думают, а в основном стреляют и дерутся.

Точно так же и «Главные Героини» женских романов становятся всё примитивнее, а сюжеты окончательно превращаются в убогие схемы. Параллельно с тем, что к концу XX века женский роман стал самым «ходким» по продаваемости, самым коммерчески востребованным жанром.

В «романах женской судьбы» сохраняется тот же набор основных персонажей. «Злобный Преследователь» гадит, «Главная Героиня» с помощью «Бескорыстного Помощника» счастливо разочаровывается в «Ложном Герое», падает в объятия «Главного Героя». Фанфары! Занавес!

...И при всем при этом Главные Героини однозначно и инфантильно нацелены на потребление ценностей, которые им «должны» обеспечить... скажем предельно вежливо – законные и незаконные мужья. Что характерно, сами себе обеспечить желаемый и требуемый уровень потребления они абсолютно не способны.

Подчеркнем – востребован не сам по себе уровень жизни, и не качество жизни, а именно уровень потребления. Главным Героиням «необходимы» шубы, машины, рестораны, тряпки – но не картины, не библиотеки, не возможность заниматься науками и искусствами.

Концерты? Если модное завывание и громохание, а уж никак не концерт Вивальди и не опера Глинки.

Путешествие? Тогда – на модный курорт, а не в Метрополитен-музей и не посмотреть Сакрекёр, пройти от него к Нотр-дам-де-Пари.

Конечно, уровень примитива очень разный. Женский роман может принадлежать к массовой литературе\макулатуре, а может быть маргинальным явлением литературного процесса. В этих направлениях и «Главные Героини» совершенно другие.

«Главные Героини» Дашковой в разных произведениях названы то «Вилками», то «Ложками», то «Лампами». Разница между ними столь невелика, а торопливость ваяния очередного «шедевра» такова, что на одной странице «Главная Героиня» может быть «Лампой», а на соседней – уже опять «Ложкой».

В мире «продолжений»...

Или как дамы переписывают то, что их не устраивает

Для массового женского романа конца XX века очень характерны бесконечные «продолжения» «Унесенных ветром». Мы, увы, не имели возможности спросить об этом саму мисс Митчелл, – она погибла за 6 лет до нашего рождения. Но, судя по всему, к своей «Главной Героине» она испытывала в основном отвращение.

Маргарет Митчелл отвергала все предложения издателей, все просьбы читателей и почитателей – сделать концовку романа более «оптимистичной». В авторской концовке не остается ни малейших шансов ни на воссоединение «Главных Героев», ни на счастливую судьбу самой Скарлетт О'Хара. Единственное, что

может ее ожидать – одиночество и сожаление о бессмысленно загубленной судьбе. Это сожаление может слабеть как под влиянием прожитых лет, так и под воздействием всё возрастающих доз самогона, который англосаксы красиво и политкорректно именуют «виски». Но ничего, кроме унылого доживания судьба «Главной Героини» как-то не предполагает.

Судьба же Ретта Батлера может сложиться чрезвычайно поразному.

Но уже почти сто лет, буквально с момента выхода романа в 1936 году, предпринимаются попытки написать сто пятьдесят «продолжений», – лишь бы, любой ценой, придумать для «Главной Героини» судьбу получше. И всякий раз – соединяя её с Батлером.

Назовём вещи своими именами: вменяемая женщина с мозгами и с душой создала образ бездарной, тупо-эгоистичной содержанки по убеждениям. Несомненно, авторесса «подарила» «Главной Героине» абсолютно мотивированную и совершенно заслуженную ею судьбу.

А «продолжательницы», как видно, вовсе не испытывают отвращения к Скарлетт; они изо всех сил пытаются, вопреки и логике, и опыту жизни, во что бы то ни стало «оправдать» «Главную Героиню», окончательно превращая Ретта Батлера в бесхребетного идиотика.

Только одна ассоциация... Возможно, уважаемый читатель помнит советскую экранизацию «Человека-амфибии» Беляева, 1961 года? Среди прочих – эпизодическая роль певички из портового кабака. Девка исполняет нечто пошлейшее; могу себе представить,

с каким отвращением прописывали, играли и снимали этого мимолетного персонажа дамы с «Ленфильма».

... В далеком теперь уже 1962 году я жил на даче, в местности Зверинец. Тогда это было предместье Киева, сегодня – почти что центр. Девочки из домишек частной застройки очень живо обсуждали: какое на девице было платье, какие перчатки, какая прическа... Они восхищались ею, и всюду распевали:

*«Нам бы, нам бы, нам бы
Всем на дно!
Там бы, там бы, там бы
Пить вино!!!»*
[Фогельсон, без даты].

То есть персонаж, созданный как воплощение всех ужасов «капитализма», отвратительный и непристойный, для девчонок из мещанского пригорода оказывался романтичным и невероятно привлекательным.

... Точно то же происходит с образом Скарлетт О'Хара. Судя по сотням «продолжений», расходящихся миллионными тиражами, её готовы обожать десятки миллионов с виду вменяемых женщин.

Как откровенная пошлятина становится неотъемлемой частью массового литературного процесса

В отличие от «Ламп» и «Вилок», «Главные Героини» Татьяны Устиновой по крайней мере различимы какими-то индивидуальными чертами и качествами. Порой даже внешне.

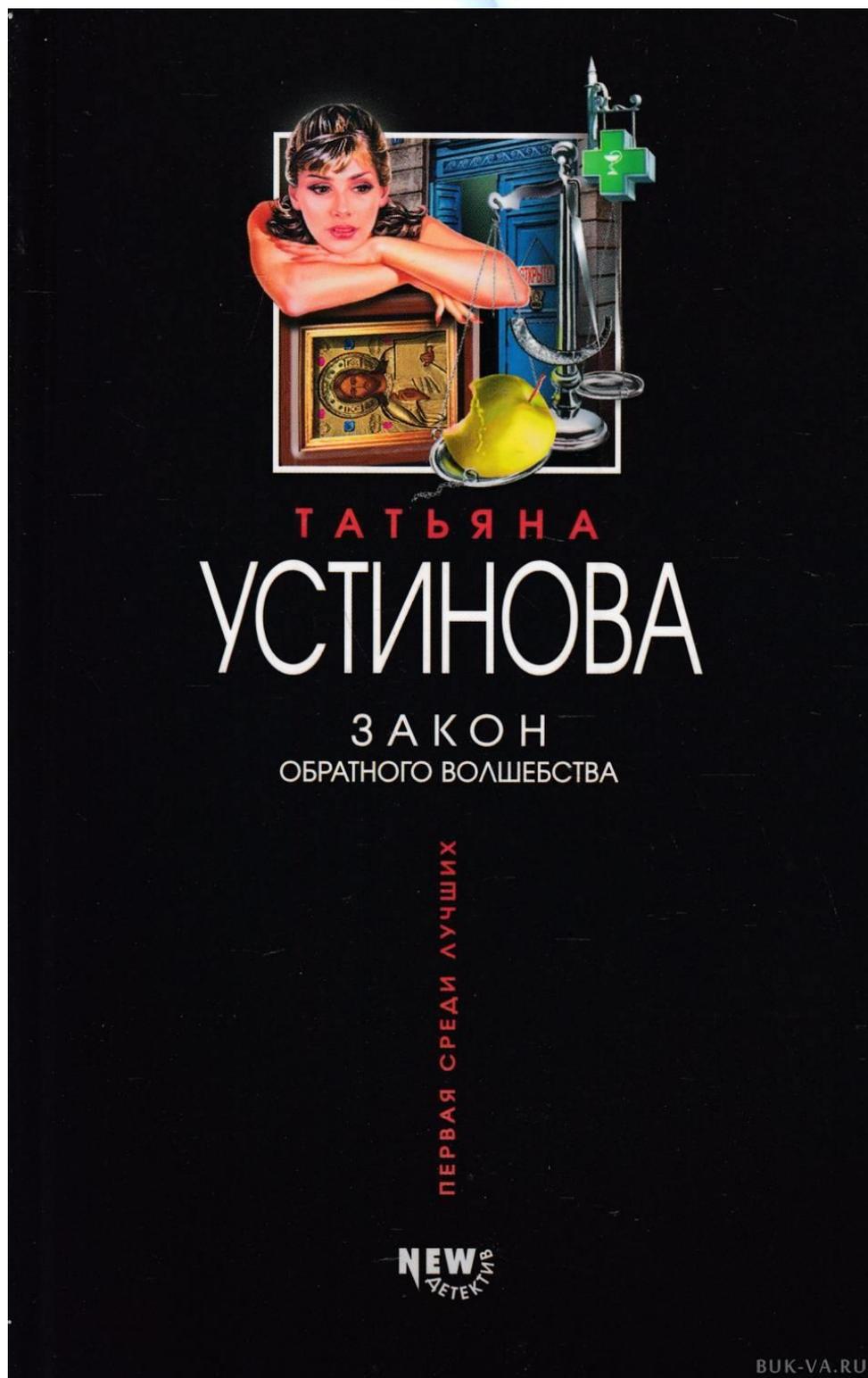
Многие из её героинь – профессионально успешные женщины; они хотя бы частично не зависят от содержателей. Одна из них даже значительно богаче глупого, нелепого любовника; в конце концов она выставляет вон ничтожного мужичонку (судя по тексту, совершенно правильно делает).

Действие романов Устиновой происходит на фоне быта Москвы 2000 – 2010 годов. Множество узнаваемых деталей (для примера [Устинова 2021b; [Устинова 2020]]).

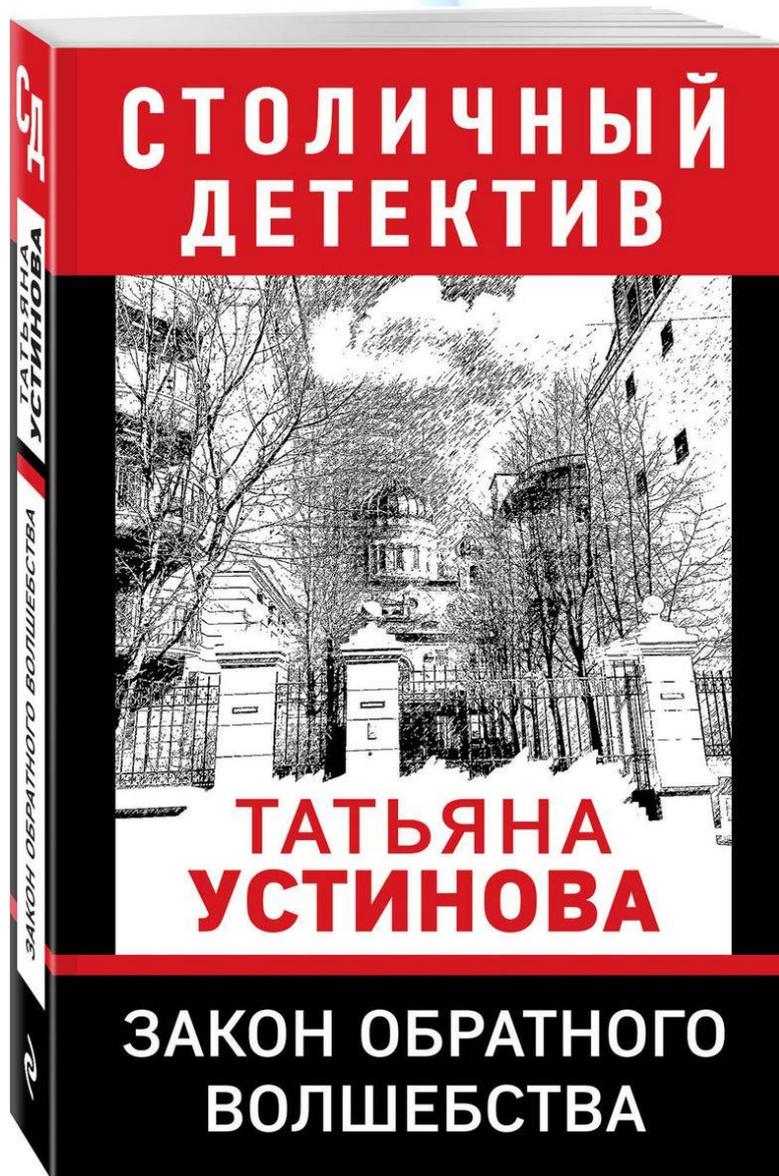
Одним словом – в её женских романах видны страна, народ, образ жизни, даже специфический московский снобизм – когда «Главная Героиня» уже не в силах душиться «Красной Москвой», ей подавай нечто иностранное.

Видна и история страны: действие разворачивается на фоне исторических событий – в точности, как и женских романов XIX века. То на фоне Афганской войны [Устинова 2021a], то «разборок» в Украине [Устинова 2016].

У Дашковой и Серовой история – это даже не «гвоздь, на который она вешает повествование». Это скорее поток бреда. В одном творении мы прочитали о том, что родовитое дворянство, оказывается, закапывало клады в имениях, а координаты шифром татуировало на задницах у детей-наследников. Рассказал одному

Обложка романа Т. В. Устиновой, «Закон обратного волшебства». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://buk-va.ru/uploads/media/book/0001/25/thumb_24703_book_big.jpeg

Более поздняя обложка того же самого романа. Что характерно, дизайн довольно сдержанный.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе:

<https://russiagoods.ee/upload/iblock/ab4/ab40e000b12498d440e71096d1095c4e.jpg>

приятелю – Рюриковичу по корням. За одно похвалю авторессу: она очень развлекла человека. Знакомый хохотал так, что слезы текли по щекам. Он буквально катался по дивану, дрыгая в воздухе ногами.

«Вилки» и «Лампы» Дашковой невозможно представить себе в компании минимально интеллигентных, хоть о чем-то думающих людей.

Для героинь Татьяны Устиновой всё же значимо собственное личностное развитие. Они почти не инфантильны. Им интересно то, что называется таким неопределенным словом: «культура».

В то время, как и Джейн Эйр, и Элизабет Беннет (героиня «Гордости и предубеждения») легко вошла бы в круг, который автор сих строк склонен называть «своим». Как и героини Устиновой. Этим дамам вполне могут оказаться интересны картины и гравюры. Они в состоянии оценить сияние коричневых корешков старинных томов за стеклами орехового шкапа. Им могут быть интересны разговоры, выходящие за пределы «купить», «нацепить» и «пожрать».

«Вилки» и «Лампы» разве что развеселятся – старинные книги?! Разговор о причинах падения Римской империи?! Дурость какая! То же мне, тусовка... Вот пожрать в ресторане!.. Это дело, так дело!..

Одним словом, в женских романах Татьяны Устиновой намного больше от литературы, чем в женских романах Дашковой. Они поневоле «проще» классической литературы – таковы уж условия «продаваемости». Но разница очевидна. Полное впечатление, что авторесса просто не в силах выйти за рамки хорошего вкуса.

«На подоконнике сидел серый дождик в мокром плаще, болтал ногами в резиновых ботах. От его болтания по подоконнику с гулким стуком рассыпались капли» [Устинова 2016: 11].

Татьяна Устинова во Владивостоке, в рамках «Книжного маяка Владивостока». 18 августа 2023 года. Фото автора.

Или вот еще пример: «Повеяло духами и еще чем-то женским и теплым, как будто ты с холодной улицы, с дождя и ветра, когда кажется, что вот-вот пойдет снег, и дальние тучи сизым краем уже легли на бурую раскисшую землю, и собака трясет ушами и смотрит жалобно и серьезно и просится обратно под крышу, входишь в домашнее живое тепло, и внутри этого тепла горит камин, букет последних астр сияет в старинной голубой вазе с отколотым лепестком, душистый чай остывает в пузатом чайнике, и в полированной поверхности стола отражаются тонкие руки в рукавах теплого платья» [Устинова 2016: 12].

Хоть убейте, но это – именно что художественная литература. Та самая литература, в которой рисуют словами – откуда и ее название. Тут вся стилистика абсолютно иная.

Но! Стоит сравнить тиражи Дашковой и Устиновой, как сразу становится очевидно, что Дашкова куда «продаваемее». Видимо, чем примитивнее и «Главная Героиня», и повествование в целом – тем лучше принимается читателями женский роман. Действительно: сидящий на подоконнике дождик заставляет улыбнуться, ненадолго отвлекаясь от сюжета. Побуждает ценить хорошо сказанное слово, а не то, «как ее он полюбил на сто восьмой странице...».

Само по себе это свидетельствует не о жанре, а скорее об интеллектуальном и культурном уровне потребителя... И правда, не называть же «читательницей» любительницу «Вилок» и «Ложек», которым графини и «графины» (честное слово, так в тексте!) вытатуировали на задницах координаты закопанных кладов.

В общем, литература и массовая литература ориентированы на принципиально разного потребителя, отражают разное отношение к реальности и создают типажи разного умственного, культурного и социального уровня.

Женский роман XX века: странная общность литературы и макулатуры

Но и в литературе, и в макулатуре для содержания есть одно общее. Это дружное признание ничтожности мужчины вообще.

«Главные Герои» макулатуры, понятное дело, сливаются в некое с трудом различимое пятно.

Но даже и немного отличимые друг от друга «Главные Герои» Устиновой поразительно серы и убоги. Появляются у неё и знаменитый писатель (о том, что именно он пишет – ни слова), и гений веб-дизайна, и выдающийся тележурналист, но и «Великий Писатель» оказывается настолько ограниченным, что не видит уголовной интриги в двух шагах от собственного носа. Он даже собственного персонажа в компьютере не может отыскать. Зовёт секретаршу:

«– Маша, а, Маша? Где труп?»

– Какой именно труп вас интересует, Дмитрий Андреевич?

– Последний.

– У нас два последних» [Устинова 2016: 11].

Но это у нас всё же «Великий Писатель». Большинство же «Главных Героев» Устиновой – технари, невероятно ограниченные, замученные комплексами. Интересно, что в роли «Злобного Преследователя» часто выступает мамаша «Главного Героя». Она сына искалечила, а подруга ввихивает мужчину на место. А без подруги «Главный Герой» – никуда!

Подруги «своих» мужчин «спасают» и от множества других опасностей. Они вообще активны, принимают в судьбе любимых самое решительное участие.

Но сами любимые как-то не особенно блещут.

Даже вот «Великий Писатель», откровенно важный и элитный: «Он в раздражении почесал за ухом, как большая блохастая собака. Впрочем, на блохастую собаку он похож, пожалуй, не был. Он был похож на ухоженного домашнего пса, искренне

недоумевающего, откуда у него могут взяться блохи» [Устинова 2016: 13].

Но и этот никак не блохастый писатель не может не играть с секретаршей в глупейшие психологически игры, достойные пера Эрика Бёрна.

«Ну, конечно, он знал, что она найдет. Она всегда все находила. Но существовали определенные правила игры, которые нужно соблюдать, и они оба соблюдали их беспрекословно».

И далее: *«Некоторое время он читал, напоминая себе, что должен сохранять на лице недовольную мину. Это был именно тот файл, который потерялся.*

Он читал. Маша стояла у него за спиной.

– Ну что, что? Долго ты будешь там торчать? – ворчливо спросил он через некоторое время. – Ну нашла, и спасибо тебе большое!.. Можешь идти» [Устинова 2016: 12].

Проблемы Маши «Главный Герой» решит по счету «два» – на то он и «Главный Герой». Но какое-то дитя, того не более.

Другой Герой, более в духе женских романов – технарь, глава транспортной фирмы. Этот Илья Решетников, который бывшей женой характеризуется как «трудолюбивый и недалекий китайский крестьянин, застрявший в болоте своего рисового поля» [Устинова 2021b: 19].

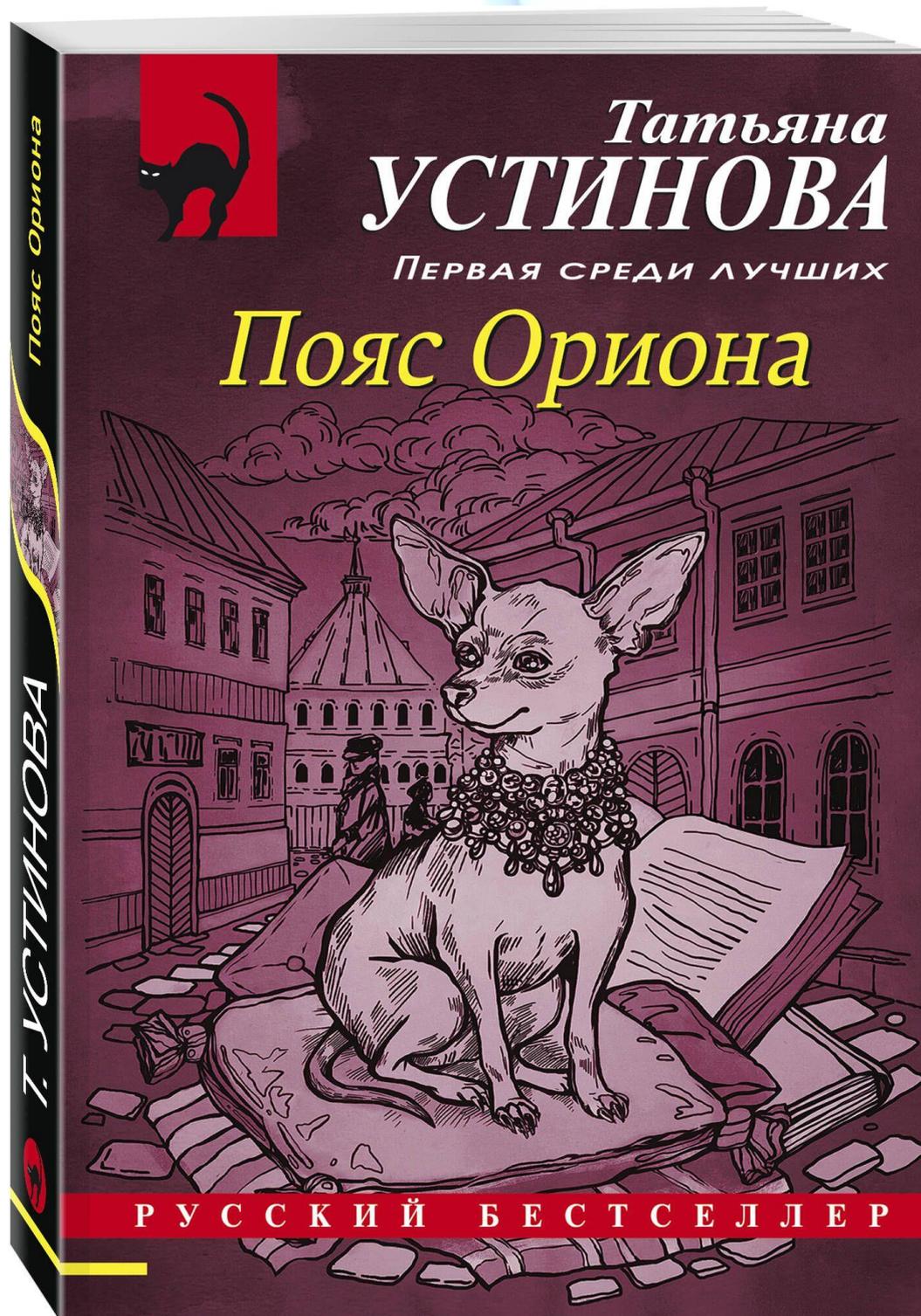
Современный вариант Скарлетт, бывшая жена отличным образом научилась «доить» бывшего супруга. *«Ну, где это видано, где это слыхано, чтобы бывший муж возил бывшую супругу в салон, к примеру, вот как сегодня! Или провожал на бал, когда Мике было не с кем выйти. Или привозил деньги,*

когда они у нее заканчивались. Впрочем, его деньгами Мика старалась не злоупотреблять, он и так был щедрым, и она боялась перегнуть палку. На поддержание того образа жизни, который был для нее важнее всего, ей вполне хватало и отцовских, а Илья требовался совсем для других целей» [Устинова 2021b: 27].

И далее: «Илья, улучшенный чутким Микиным руководством, был вполне безмятежен и уверен, что всё делает «как все» – провожает, возит, денежки дает. То есть полностью подконтролен» [Устинова 2021b: 27]. В конечном счете положительная героиня Анфиса Коржикова спасает Илья Решетникова, которого потихоньку отравляют. Другая «Главная Героиня», Наталья, будет хорошо пользоваться недалеким, грубоватым Ильей, ценить его изо всех сил.

При этом героини очень различаются. Бывшая жена Илья, Мика – дура и никчемная содержанка, у которой мозги – в гламурном тумане, а откуда у нее растут руки, страшно не только писать – даже подумать. Анфиса Коржикова – героическая интеллектуалка. Толстая, но положительная Наталья – хорошая, добрая баба, готовая любить, заботиться и сострадать.

Но для них всех «Главный Герой» – был и есть трудолюбивый и недалекий мужик. Выращивать рис он ещё годится – но кто же его спасёт от преступников?! И вообще научит жить?! Положительные героини отличаются от отрицательной тем, что они сами по себе лучше и привлекательнее. Добрый барин не переморит мужика на барщине, не разорит оброком, защитит от разбойников и даже от сборщиков налогов. Но кончено же, они никак не ровня.

Что очень симпатично в издании книг Устиновой – в сдержанном дизайне обложек, как и в текстах, сквозит мягкое чувство юмора. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://cdn1.ozone.ru/s3/multimedia-6/6748391886.jpg>

Имеет смысл сравнить... То, что мужчины приписывают женщинам

Трудно говорить об особой «мужской» литературе. Поговорим о романах, написанных мужчинами в XIX столетии. Все они не только выводят крупных мужских персонажей: героев, интеллектуалов, деятелей. Более того – они уверены, что именно этим людям и должны доставаться самые хорошие женщины.

В этом солидарны и аристократический консерватор сэра Артура Конан-Дойль, и убежденный «прогрессист», предтеча глобализма, Герберт Уэллс, и откровенно развлекательный Льюис Стивенсон.

Сэр Артур влюбляет свою героиню в героя Аллейна Эрисона, да и супруга рыцаря без страха и упрека, сэра Найджела, к мужу далеко не равнодушна [Конан-Дойль 2010].

Так же точно юный, но далеко не трусливый и не глупый Дэвид Белфур в конце концов добивается своей Катрионы, а порой легкомысленный, но героический Алан Стюарт – так и вовсе известный сердцеед [Стивенсон 2019].

Можно сказать, что это – извечная психологическая установка мужчин: они уверены, что женщин привлекает мужская незаурядность. Только в одном, причем чуть ли не самом знаменитом из романов сэра Артура появляется некое сомнение в действенности такого «закона справедливости»: прелестная Глэдис требует от влюбленного Мелоуна великих подвигов, а пока он их совершает, выходит замуж за некоего письмоводителя [Конан-Дойль 1956].

Агата Кристи пишет не дамские романы, но и у нее в нескольких произведениях звучит нечто странное для мужчин, однако весьма созвучное духу женских романов: ее героиня выбирает не выдающуюся личность, а нечто средненькое и слабенькое.

Судя по всему, анализ женского романа позволяет выйти на одно из кардинальных различий мужской и женской психологии. Возможно, даже на важное различие мужской и женской сексуальности.

«Мы» переносим на женщин, во-первых, собственные базовые качества: ждём от «них» самостоятельности, стремления к самореализации и к возможно большей независимости. Стремление скорее давать нежели брать. Ведь «дающий» в нашем представлении важнее и значительнее «берущего».

Во-вторых, «мы» сами восхищаемся выдающимися людьми и выдающимися результатами. «Мы» приписываем женщинам и эту «нашу» особенность.

...И судя по женским романам, совершенно напрасно.

Два мира – два образа жизни

Женщины современного мира, а вслед за ними и Героини женских романов, распадаются на разные категории, буквально на два разных мира. Одним близки «Главные Героини» сестер Бронте и Устиновой. Другим – «Лампы» и «Ложки». Они ведь и сами не различимы, как вилки – разве что по мелким вариациям в дизайне: по размерам и цвету волос.

«Главные Героини» XIX века старались стать как можно более значительными личностями в том женском мире, который отводило дамам современное им общество.

В эпоху XX и XXI веков некоторые женщины реализуют то, что хотели бы, но не могли реализовать героини сестер Бронте: стать самостоятельными и значительными в самом что ни на есть «мужском» профессиональном мире.

Они независимы. Их мало интересуют материальные цапки, а если вдруг они станут нужны – то те и сами их купят. Увлечшись, они готовы скорее одаривать любимых, чем принимать от них.

Собственно, они «такие же как мы»... с поправкой даже не на анатомию и физиологию, в больше степени всё на ту же психологию.

Это дамы, для которых состоялось реальное равноправие. Которые смогли его использовать самым благоприятным для себя образом.

Эта категория женщин и наиболее культурна. У них хватает энергии и сил интересоваться не только «что надеть» и «чем похвастаться», но и на отвлеченное.

Они посложнее – в состоянии порадоваться не мелодичному побрякиванию «попсы», но классической музыке или поэзии бардов. Не разноцветью на покрашенной стене кабака, а авторской картине маслом, изящной японской гравюре.

Другие же дамы сохраняют более древние, архетипические черты женской психологии: зависимость, стремление найти «подходящего» самца: большого, богатого и шумного.

Им не близко всё сколько-нибудь сложное.

Завоевать собственное положение в обществе они способны не больше, чем охотиться на львов или водить космический корабль. Они настолько ничтожны, что просто вынуждены оставаться потребительницами. Главный успех, поджидающий некоторых из них: тот самый «замечательный мужик \ \ Меня вывез в Гелленджик» [Шнуров, без даты]. И здесь мы нисколько не пытаемся шутить! Это – слова из песни, лидера группы «Ленинград» Сергея Шнурова, которую вовсю крутили на радио!

Говоря словами Владимира Высоцкого из песни «Моя цыганская», их мирок – «рай для нищих и шутов» [Высоцкий 2012: 50]. Да они и есть нищие и шуты, – только в платьях, а не в штанах. Нищие и жалкие создания, торопливо тратящие не свои денежки в ресторанах, «салонах красоты» и прочих приютах для убогоньких.

Считают ли нас женщины людьми?..

В чем Героини совпадают – так это в их отношении к мужчинам.

Для мужчин «мир Устиновой» даже более тосклив и провален, чем «мир Дашковой» и «мир Шарлотты Бронте». В «мире Бронте» и в «мире Дашковой» женщинам нужны хотя бы наши статусы и деньги. Омерзительные правила игры, но хоть что-то.

В «мире Устиновой» дамы не нуждаются в наших деньгах и статусах: сами заработают, да еще и с нами поделятся. Ведь и состоявшимся в этой жизни «женщинам Устиновой» не нужны ни герои, ни ученые, писатели и творцы. То есть вывести героиню,

влюбленную в писателя, можно – но и этот писатель какой-то странный. «Недоделанный».

Ну очень мужской писатель Торнтон Уайлдер провозгласил, что «лишь один брак из ста бывает счастливым».

Ведь «всякая жена сочетается браком не только с мужем, но и с положением, в котором он находится. Всякого мужа, который работает для людей... Всякого, кто хоть на шаг отходит от самого примитивного стяжательства, самого убогого эгоизма, жена всегда считает просто кретином» [Уайлдер 2018: 218].

Потому что ей в этой жизни не нужно ничего, кроме как сделать самой себе и своим близким сытенько, уютненько и тепленько. Остальное – просто дурь, глупые выдумки мужчин. А то и вообще – проявление мужского эгоизма, неуважения к женам.

«Главный Герой» женского романа ни при каких обстоятельствах не может сказать, как лирический герой Леонида Филатова из стихотворения «Простите, мисс»:

*Вы говорите мне: стремись
К признанью и почету...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но мне они ни к черту!..
[Филатов, без даты].*

«Главный Герой» как раз и «должен» потратить любые силы для достижения того, чего хочет «Главная Героиня». И только на это! А «Главная Героиня» хочет технаря, который будет делать ей тепленько и уютненько.

Вообще-то сам смысл мужской судьбы состоит в том, чтобы научиться делать то, чего не умеют другие. Стать как можно более значительной личностью. В мире женского романа эти ценности не отвергаются. Они в нём просто не существуют.

Распространенный вопрос начала XX века: считают ли мужчины жен равней? Типичное утверждение: «Женщина тоже человек».

Но чтение женского романа заставляет задавать другой вопрос: считают ли женщины людьми нас? Наверное, всё же считают... Но людьми не полноценными и далеко не равными. Людьми, единственное предназначение которых – служить женам, и делать им уютненько.

Одно из поразительных исследований: во время войн женщины подсознательно чувствуют, что ушедшие на войну как бы им «изменили». В их жизнях появилось что-то более важное, чем отношения, любовь и семья.

Но точно так же «изменяет» женщинам вообще всякий герой – будь то Мартин Лютер Кинг, Гагарин, Королёв или Жак Ив Кусто.

Как сказала одна французская феминистка: если бы Иисус Христос любил Магдалину – неужели полез бы на крест!?

В её представлении – никогда не «полез бы». Принёс бы жертву перед статуей Императора, поинтриговал бы в Синедреоне, заверил бы в лояльности Прокуратора... И получил бы должность – ну, например, сборщика налогов. А что?.. Очень почтенная должность, вполне позволяющая кормить семью, снабжать жену престижными цацками, на зависть соседкам.

В этом смысле «изменяет женщинам» не только великий человек; вообще всякий, у кого в жизни есть что-то более важное, чем отношения с женщиной. В том числе учёный высокого класса. И писатель. И художник. И инженер. Любой герой традиционного «мужского» романа.

Автора сих строк не надо убеждать ни в том, что «женский» взгляд на вещи имеет право на существование. Ни в том, что гармоничные отношения предполагают учет обоих позиций. Ни в том, что какой-то части женщин интересны именно выдающиеся личности.

Но к женскому роману эти общие соображения не имеют никакого отношения. Подкорка выплескивает свое содержимое... и я не виноват, что это содержимое вызывает желание осенить себя крестным знаменем.

Литература

- Андреева, Ю. И. (2018). *Метресса фаворита*. Москва: Вече.
- Андреева, Ю. И. (2018). *Фридрих Барбаросса*. Москва: Вече.
- Андреева, Ю. И. (2022). *Ох уж эти Шелли*. Москва: Вече.
- Бронте, Ш. (1958). *Джен Эйр*. Киев: Молодь.
- Бронте, Э. (2008). *Агнес Грей*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Бронте, Э. (2021). *Грозовой перевал*. Москва: АСТ.
- Вигдорова, Ф. А. (1965). *Дорога в жизнь. Это мой дом. Черниговка*. Москва: Худлит.
- Войнич, Э. Л. (2012). *Сними обувь свою*. Москва: АСТ.
- Войнич, Э. Л. (2022). *Овод*. Москва: АСТ.
- Высоцкий, В. С. (2012). *Моя цыганская. Каюсь! Каюсь! Каюсь!: стихотворения*. Санкт-Петербург: Амфора.
- Клеланд, Д. (1993). *Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех*. Москва: Арт Дизайн.
- Конан-Дойль, А. (1956). *Затерянный мир. Отравленный пояс. Когда земля вскрикнула*. Киев: Молодь.
- Конан-Дойль, А. (2010). *Белый отряд*. Москва: Столица.
- Кресикова, И. (2013). Три эссе из жизни Марины Цветаевой. *RELGA*. 1(257). Режим доступа: <https://ljl.su/9klC> (дата обращения: 10.04.2024).

- Маккалоу, К. (2022). *Поющие в терновнике*. Москва: АСТ.
- Маккейг, Д. (2014). *Ретт Батлер*. Москва: Эксмо-пресс.
- Митчелл, М. (1982). *Унесённые ветром: в 2 т.* Москва: Худлит.
- Осипцова, Т. (2022). *Ретт Батлер. Вычеркнутые годы*. Москва: Автор.
- Остин, Д. (2023). *Гордость и предубеждение*. Москва: АСТ.
- Рипли, А. (1992). *Скарлетт*. Москва: Домино, Эксмо.
- Стивенсон, Л. (2019). *Катриона*. Москва: Нигма.
- Уальдер, Т. (2018). *Мартовские иды. Мост короля Людовика Святого*. Москва: АСТ.
- Унсет, С. (1992). *Кристина, дочь Лавранса: в трех книгах*. Санкт-Петербург: Северо-Запад.
- Устинова, Т. В. (2016). *Саквояж со светлым будущим*. Москва: Эксмо-Пресс.
- Устинова, Т. В. (2020). *Развод и девичья фамилия*. Москва: Эксмо-пресс.
- Устинова, Т. В. (2021a). *Богиня прам-тайма*. Москва: Эксмо-пресс.
- Устинова, Т. В. (2021b). *Закон обратного волшебства*. Москва: Эксмо-пресс.
- Филатов, Л. (без даты). Простите, мисс! *Культура.РФ*. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/33211/prostitute-miss> (дата обращения: 10.04.2024).
- Фогельсон, С. (без даты). Моряк. *Kino-teatr.ru*. Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/7797/song/> (дата обращения: 10.04.2024).
- Шнуров, С. (без даты). Геленджик. *Профессиональное творческое сообщество*. Режим доступа: <https://www.beesona.pro/songs/leningrad> (дата обращения: 10.04.2024).

Информация об авторе

Буровский Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор, Генеральный директор ООО «КИФАБ» (660017, Россия, г. Красноярск, ул. Дубровинского, д. 45А, офис 9), член Союза писателей СПб, член союза ученых СПб, ORCID: 0000-0003-4225-8635, burovsky@mail.ru

WOMEN'S NOVEL – LITERATURE, WASTEPAPER AND... PSYCHOLOGY

Andrey Burovsky

Abstract. In the traditional women's novel, as a significant genre of the impression industry, a system of views and values is very openly proclaimed, which significantly diverges from the value system of the male part of the population. The end of the twentieth century was marked by the formation of various value systems in women's novels. Moreover, one of these value systems most likely approaches "male", while the other is clearly close to mass culture. A traditional women's novel is always characterized by a fairly typical set of very similar characters. They may be fatally different from each other in appearance, but they always perform the same semantic function. For example, the main character, in addition to a

constant pursuer, constantly finds herself with a disinterested helper. At the same time, the personal qualities of a man in romance novels traditionally do not matter at all. The main character, fulfilling the function of the object of the great love of the main character, however, is never an outstanding personality. Essentially, as a rule, he is not busy with anything serious in life either. At the same time, he is always financially secure and always restless. As a result, even if he is married, it will be to a bitch. But the most important thing is that an affair with him is entirely the choice and decision of the main character.

Keywords: novel, women's novel, culture, relationships, mass culture, experience industries, popular literature, cult novels, main characters, characters, extrapolations.

References

- Andreeva, Iu. I. (2018). *Fridrikh Barbarossa* [Friedrich Barbarossa]. Moscow: Veche Publ. (In Russ).
- Andreeva, Iu. I. (2018). *Metressa favorita* [The favorite's mistress]. Moscow: Veche Publ. (In Russ).
- Andreeva, Iu. I. (2022). *Okh uzh eti Shelli* [Oh, those Shelleys]. Moscow: Veche Publ. (In Russ).
- Bronte, E. (2008). *Agnes Grei* [Agnes Grey]. Saint-Petersburg: ABC classics Publ. (In Russ).
- Bronte, E. (2021). *Grozovoi pereval* [Wuthering Heights]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Bronte, Sh. (1958). *Dzhen Eir* [Jane Eyre]. Kiev: Young people Publ. (In Russ).
- Filatov, L. (n.d.). Prostitute, miss! [I'm sorry, miss!] *Kul'tura.RF* [Culture of the Russian Federation]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/33211/prostitute-miss> (accessed: 10.04.2024). (In Russ).
- Fogel'son, C. (n.b.). Moriak [Mauriac]. *Kino-teatr.ru*. Available at: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/7797/song/> (accessed: 10.04.2024). (In Russ).
- Kleland, D. (1993). *Fanni Khill. Memuary zhenshchiny dlia utekh* [Fanny Hill. Memories of a comfort woman]. Moscow: Art Dizain Publ. (In Russ).
- Konan-Doil', A. (1956). *Zateriannyi mir. Otravlennyi poias. Kogda zemlia vskriknula* [The lost world. The restored world. When the earth screamed]. Kiev: Young people Publ. (In Russ).
- Konan-Doil', A. (2010). *Belyi otriad* [White row]. Moscow: Stolitsa Publ. (In Russ).
- Kresikova, I. (2013). Tri esse iz zhizni Mariny Tsvetaevoi [Three essays from the life of Marina Tsvetaeva]. *RELGA*, 1(257). Available at: <https://lsl.su/9klC> (accessed: 10.04.2024). (In Russ).
- Makkalou, K. (2022). *Poiushchie v ternovnike* [Located in the blackthorn]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Makkeig, D. (2014). *Rett Batler* [Rhett Butler]. Moscow: Eksmo-press. (In Russ).
- Mitchell, M. (1982). *Unesennye vetrom: v 2 t* [Unesennye vetrom: v 2 t]. Moscow: Artistic literature Publ. (In Russ).
- Osip'tsova, T. (2022). *Rett Batler. Vycherknutyie gody* [Rhett Butler. The years are crossed out]. Moscow: Avtor Publ. (In Russ).

- Ostin, D. (2023). *Gordost' i predubezhdenie* [Pride and prejudice]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Ripli, A. (1992). *Skarlett* [Scarlett]. Moscow: Domino, Eksmo Publ. (In Russ).
- Shnurov, S. (n.d.). *Gelendzhik* [Gelendzhik]. *Professional'noe tvorcheskoe soobshchestvo* [Professional creative community]. Available at: <https://www.beesona.pro/songs/leningrad> (accessed: 10.04.2024). (In Russ).
- Stivenson, L. (2019). *Katriona* [Catriona]. Moscow: Nigma Publ. (In Russ).
- Ual'der, T. (2018). *Martovskie idy. Most korolia Liudovika Sviatogo* [The Ides of March. The Bridge of King Louis the Saint]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Unset, S. (1992). *Kristin, doch' Lavransa: v trekh knigakh* [Kristin, Lavrance's Daughter: in three books]. Saint-Petersburg: Northwest Publ. (In Russ).
- Ustinova, T. V. (2016). *Sakvoiazh so svetlym budushchim* [A bag with a bright future]. Moscow: Eksmo-press. (In Russ).
- Ustinova, T. V. (2020). *Razvod i devich'ia familia* [Divorce and maiden name]. Moscow: Eksmo-press. (In Russ).
- Ustinova, T. V. (2021a). *Boginia pram-taima* [The Goddess of pram-time]. Moscow: Eksmo-press. (In Russ).
- Ustinova, T. V. (2021b). *Zakon obratnogo volshebstva* [The Law of Reverse Magic]. Moscow: Eksmo-press. (In Russ).
- Vigdorova, F. A. (1965). *Doroga v zhizn'. Eto moi dom. Chernigovka* [The road to life. This is my home. Chernihiv]. Moscow: Artistic literature Publ. (In Russ).
- Voinich, E. L. (2012). *Snimi obuv' svoiu* [I take off my shoes in my own way]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Voinich, E. L. (2022). *Ovod* [Gadfly]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Vysotskii, V. S. (2012). *Moia tsyganskaia* [My gypsy]. *Kaius! Kaius! Kaius! stikhotvoreniia* [I repent! I repent! I repent: poems]. Saint-Petersburg: Amfora. (In Russ).

Author's information

Burovsky Andrey Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, General Director of KIFAB LLC (office 9, Dubrovinsky str., 45A, Krasnoyarsk, 660017, Russia), member of the Union of Writers of St. Petersburg, member of the Union of Scientists of St. Petersburg, ORCID: 0000-0003-4225-8635, burovsky@mail.ru

For citation:

Burovsky, A. V. (2024). Women's novel – literature, wastepaper and... psychology. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 3(8), 154-197. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3\(8\)-154-197](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3(8)-154-197)